

ФЕЛЛ, ШТАТ НЬЮ-ЙОРК

Ноябрь 1982

ВИВ

В ночь, когда все закончилось, Вивиан была одна. Правда, это ничуть ее не расстроило. Даже наоборот. Благодаря ночным дежурствам в этой богом забытой глуши она поняла одну вещь: находиться среди людей куда легче, чем в полном одиночестве. Особенно если вокруг темнота. Но человек, привыкший существовать наедине с собой и собственными мыслями, всегда сильнее других. Он всегда во всеоружии, всегда готов к неожиданностям.

Тем не менее, сворачивая на парковку мотеля «Вечерняя заря» в городке Фелл, Вивиан ощутила знакомый страх. Некоторое время она, не заглушая мотора, посидела за рулем своей помятой «тойоты-кавалер», кутаясь в накинутое на плечи пальто; в салоне по-прежнему работали печка и радио. Окинув взглядом длинные корпуса двухэтажного здания в форме буквы L и светящуюся желто-голубую вывеску мотеля,

девушка подумала, что совсем не хочет туда идти. Но все равно пойдет. Она была готова, но страх все не проходил. Часы показывали 22:59.

На глазах у нее выступили слезы. Из груди рвался крик. В горле стоял ком.

Не хочу туда идти.

Но все равно пойду. Потому что всегда хожу.

В лобовое стекло ударились первые капли ледяного дождя. В зеркале заднего вида отразилась промчавшаяся с гудением фура. Время на часах сменилось на 23:00, и по радио начались одиннадцатичасовые новости. Еще минута, и она опоздает, но ей было все равно. Никто ее не уволит. На работе она или нет — кому какая разница? В мотеле редко останавливались посетители, да и те никогда не замечали опозданий ночной дежурной. Иногда здесь было так тихо, что случайному наблюдателю могло показаться, будто в этом месте никогда ничего не происходит.

Но Вив Дилейни знала: это не так.

«Вечерняя заря» только казалась пустынной. На самом деле все было иначе.

Холодными пальцами Вив откинула солнцезащитный козырек. Провела рукой по волосам: модная короткая стрижка, объемная благодаря лаку, едва прикрывала уши. Проверила, как лежат на веках тени: цвет не холодный, как у многих, скорее нежно-лиловый, почти лавандовый, будто синяк. Немного желтого или оранжевого — и «синяк» выглядел бы застаревшим, но в тот вечер у нее не было на это времени. Она лишь нанесла немного пурпура на края век — прямо у темной линии подводки. Зачем она вообще накрасилась? Она уже и не помнила.

По радио только и говорили что о трупe. В канаве на Мелборн-роуд примерно в десяти милях отсюда нашли тело молодой девушки. Место не сказать

чтобы оживленное: лишь мотель на обочине двухполосного шоссе, ведущего из Фелла в северную часть штата, а оттуда — в Канаду. Отсюда до места, где обнаружили труп, нужно проехать по шоссе всего милю, затем повернуть направо на перекрестке с односекционным светофором, и проехать еще две улицы. В последний раз Трейси Уотерс видели выходящей из дома подружки в соседнем городе. Жертве было всего восемнадцать, преступник раздел ее до гола и выбросил тело в канаву. Ее нашли лишь на третий день после того, как родители заявили о пропаже дочери в полицию.

Двадцатилетняя Вив Дилейни слушала историю очередной жертвы и чувствовала, как у нее дрожат руки. Каково это лежать под ледяным дождем без одежды, подумала она. Как же ей, наверное, было холодно. И почему такой страшной смертью погибают именно девушки: обнаженные, брошенные в придорожную канаву, словно сбитые насмерть животные. Сколько ни бойся, сколько ни осторожничай — ты всегда рискуешь оказаться следующей.

Тем более здесь. Здесь ты всегда можешь оказаться следующей.

Взгляд ее устремился на окна мотеля, в которых отражалось неустанное мерцание желто-голубых огней вывески. СВОБОДНЫЕ НОМЕРА. КАБЕЛЬНОЕ ТВ! СВОБОДНЫЕ НОМЕРА. КАБЕЛЬНОЕ ТВ!

Даже спустя три месяца это место по-прежнему внушало Вивиан страх. Дикий, животный страх, от которого все мысли то испуганно замирали где-то в области затылка, то роились в голове, как потревоженные пчелы. *Впереди восемь часов в одиночестве, в полной темноте. Наедине с собой и остальными.*

И наперекор самой себе Вив заглушила мотор: печка и радио, где все еще обсуждали Трейси Уотерс,

разом отключились. Вздернув подбородок, она толкнула водительскую дверь и выбралась на холод.

Вив зарылась поглубже в воротник полиэстрового пальто и зашагала по парковке. В тот вечер она надела джинсы и на тонкой подошве темно-голубые кроссовки с белыми шнурками, подошва была чересчур тонкой для такой промозглой погоды. Волосы мгновенно намокли под дождем, ветер растрепал прическу. Она подошла к двери с надписью «Служебный вход» и потянула ее на себя.

Стоявший у стойки регистрации Джонни застегивал на выпирающем животе молнию пальто. Судя по всему, он видел Вив сквозь окошко в двери.

— Опаздываешь? — спросил он; на стене, прямо у него за спиной, висели настенные часы.

— Всего на пять минут, — возразила девушка, расстегивая собственное пальто.

Стоило ей переступить порог, как в животе у нее все сжалось и к горлу подступила тошнота. *Хочу домой.*

Вот только где он, настоящий дом? Фелл не был для нее домом. Иллинойс — тоже, хотя именно там она появилась на свет. Покидая его в последний раз — после скандального прощания с матерью, — она умчалась в Нью-Йорк, чтобы якобы стать актрисой. Разумеется, в тот момент — впрочем, как и все остальное время — Вив лишь играла роль, притворялась героиней какой-то вымышленной истории. Она понятия не имела, как становятся актрисами, но эта ее фантазия привела мать в ярость, чего оказалось достаточно. По правде говоря, тогда ей хотелось только одного: бежать куда глаза глядят и не останавливаться.

Она и уехала. И в конечном счете оказалась в Фелле. Что ж: в ближайшее время домом ей должен был стать именно Фелл.

— В 217-м миссис Бейли, — Джонни оглашал список немногочисленных постояльцев. — Она уже закупила алкоголь, так что жди звонка в любой момент.

— Ну класс.

Миссис Бейли приезжала в мотель, только чтобы выпить — вероятно, потому, что дома это было проблематично. Пьяной она звонила на ресепшен с требованиями, о которых потом обычно забывала.

— Кто-нибудь еще? — спросила Вив.

— Парочка, что направлялась во Флориду, уже выселилась. Сегодня дважды звонило какое-то хулиганье — дышали в трубку. Чертовы подростки. А еще я оставил записку — по поводу двери в 103-й номер. Она открывается от ветра, даже если закрыть ее на ключ.

— С этой дверью давно так. Ты же, кажется, говорил Дженис об этом на прошлой неделе.

Дженис была хозяйкой «Зари», с которой Вивиан не виделась уже несколько недель. Может, даже месяцев. Она никогда не приезжала без особой надобности и уж тем более по ночам. Зарплату оставляла в конвертах на ресепшене, а общалась при помощи записок. Выходит, даже хозяйка по возможности старалась держаться от этого места подальше.

— Ну так пусть починит, — пожал плечами Джонни. — Как-то странно, тебе не кажется? Ведь я же точно ее запираю.

— Согласна. Очень странно.

Но Вив к этим странностям уже привыкла. Никто из ее коллег не видел и не испытал того, что выпало на ее долю. Все это происходило только по ночам. Те, кто работал в дневную и вечернюю смены, даже понятия не имели, что тут творится.

— Надеюсь, никто больше не приедет, — заметил Джонни, накидывая капюшон, — и ночь пройдет спокойно.

Такого здесь не бывает, подумала про себя Вив, но вслух сказала:

— Да. Я тоже так думаю.

Она проводила мужчину взглядом: когда тот вышел из офиса, слушала, как он садится в машину, заводит двигатель и отъезжает. Джонни было тридцать шесть лет, и он по-прежнему жил с матерью. Девушка представила, как он возвращается домой, может быть, смотрит перед сном телевизор. Ничем не примечательный человек, он жил совершенно нормальной жизнью, а не мучился от страха, как Вив. Он совсем не думал о Трейси Уотерс: та была для него просто именем, которое он когда-то слышал по радио, да и то уже почти забыл.

Может, она здесь единственная сходит с ума.

Воцарилась тишина, которую изредка нарушал только гул автомобилей на Шестой магистрали да ветер, шумевший в ветвях позади мотеля. Было 23:12. Через минуту стрелки настенных часов доползли до 23:13.

Вив повесила пальто на крючок в углу. С соседнего крючка она сняла темно-синий жилет из синтетической ткани с вышитым слева на груди названием мотеля и накинула его поверх белой блузки. Выдвинув деревянный стул, уселась за стойкой. Окинула беглым взглядом исцарапанную, покрытую пятнами столешницу: стакан с ручками и карандашами, черная коробочка импринтера (когда в него вставляли карточку, он издавал отчаянный скрип), дисковый телефон рвотного цвета. В центре лежала большая плоская книга регистрации, в которой новые постояльцы должны были указывать личные данные и расписываться. На развороте стояла дата: ноябрь 1982 года.

Достав из сумочки блокнот, девушка вытащила зажатую между его страницами ручку, раскрыла его на столе и записала:

29 ноября

В 103-м опять открывается дверь. Телефонные розыгрыши. Никого нет. Трейси Уотерс убита.

Снаружи послышался шум, и Вив замерла, чуть приподняв голову. Удар, еще один — ритмичный, бешеный стук. Дверь в номере 103 распахнулась и ударилась об стену. Еще раз.

Девушка на секунду прикрыла глаза. На нее волной нахлынул ужас. Выхода у нее не было — она уже здесь. Время на подготовку вышло. С этого момента и до утра Вив принадлежала «Вечерней заре».

Она снова опустила ручку.

А вдруг все, что я вижу и думаю, — это по-настоящему? Потому что так оно и есть.

Ее взгляд остановился на гостевой книге, на именах постояльцев. Вив прислушалась к тиканью настенных часов за спиной и продолжила:

Сегодня ночью призраки не спят. Им нет покоя. Думаю, все скоро закончится. Она попыталась унять дрожь в руках. Трейси, мне очень жаль. Я тебя подвела.

Из ее горла рвался стон, но девушка подавила его усилием воли. Затем отложила ручку и протерла глаза, смазав пурпурные тени.

Было 29 ноября 1982 года, 23:24.

К трем часам ночи Вив Дилейни исчезла.

С этого-то все и началось.

ФЕЛЛ, ШТАТ НЬЮ-ЙОРК

Ноябрь 2017

КАРЛИ

Что же это за место?

Очнувшись, я с ужасом взгляделась в темноту. Постель, огни за окном, комната — все незнакомое, чужое. С минуту я не понимала, как оказалась здесь, и это одновременно пугало и будоражило.

Наконец память вернулась: я в Фелле, городке в штате Нью-Йорк. Мое имя — Карли Кирк, мне двадцать лет, и самое главное — здесь меня быть не должно.

Потянувшись к прикроватному столику, я проверила телефон: четыре часа утра; единственный свет от фонаря и вывески круглосуточного ресторана «Деннис» проникал сквозь оконный тюль и падал на стену дымчатым квадратом. Теперь мне было уже не уснуть. Свесив на пол ноги, я нашарила на тумбочке очки и водрузила их на нос. Путь из Иллинойса был не близким, так что после стольких часов за рулем

я должна была бы спать в этом обыденном сетевом отеле в центре Фелла как убитая.

Гугл мне не соврал: местечко было не ахти. В центре на каждом шагу попадались кафешки, прачечные, антикварные и букинистические лавочки со всяким хламом, дома с объявлениями о сдаче внаем квартир, которые теснились вокруг супермаркета и аптеки. Улица, на которой расположился мой отель, проходила через весь город, словно большинство приезжающих в Фелл сразу ехали дальше, так и не свернув в центр. На въезде мне встретился знак «Добро пожаловать», который какой-то умник усовершенствовал, дописав баллончиком «отсюда».

Но я не вняла предупреждению.

Не снимая очков, я снова взяла телефон, чтобы прочитать электронные письма и сообщения, которые пришли, пока я спала.

Первое письмо было от нашего семейного юриста. «Остаток средств переведен на Ваш счет. Детали перевода — в приложении».

Я прокрутила вниз, не вчитываясь, и даже не открыла приложенный файл. Какой смысл? Я и так знала, что мне достались кое-какие деньги от мамы — нам с братом Грэмом пополам. Понятно, что это были не миллионы, но на первое время хватит, чтобы обеспечить себе еду и крышу над головой. Конкретные цифры мне видеть не хотелось, да я бы и не смогла. Если твоя мать умирает от рака, тем более в пятьдесят один год, такие вещи, как деньги, начинают казаться несущественными и даже глупыми.

По правде говоря, в такие моменты начинаешь переоценивать всю свою жизнь. Чем я, собственно, и занималась — спустя четырнадцать месяцев, не выныривая из пучины горя. И все никак не могла остановиться.

В телефоне обнаружилась целая лавина сообщений от Грэма. «Карли, ты что творишь? Забросила колледж? И надолго? Как планируешь наверстывать? Ой, да делай что хочешь. Пропадет оплата — будешь сама выкручиваться. Ты же понимаешь, правда? Ладно, удачи, чем бы ты там не занималась. Постарайся не убиться».

Я открыла чат и набрала: «Привет, истеричка. Это всего на пару дней, и у меня все супер, чтоб ты знал. Просто ради интереса выбралась на небольшую экскурсию. А что такого? Да все будет хорошо. Убиваться не собиралась, но спасибо за заботу».

Вообще-то я надеялась остаться здесь на более долгий срок. С тех пор как умерла мама, идея получения степени в области бизнеса стала казаться бредовой. Поступив в колледж, я была уверена, что впереди еще куча времени и я успею разобраться, чего я хочу на самом деле. Но мамина смерть показала, что жизнь вовсе не такая длинная, как я думала. У меня накопилось много вопросов. Кажется, настало время искать на них ответы.

Хейли, невеста Грэма, тоже прислала эсэмэску: «Эй! Ты там в порядке? Волнуюсь! Если надо поговорить, я всегда здесь. Может, нужен новый психолог? Могу поискать! Договорились? Целую!»

Боже, какая же она милая. Я уже ходила к психологу. И к психотерапевту. Вызывала духов. Занималась йогой. Медитировала. Пыталась ухаживать за собой. Но в итоге я поняла, что никакая терапия мне пока не нужна. Сейчас мне было нужно только одно: получить ответы.

Отложив мобильник, я раскрыла ноутбук и включила его. Кликнула файл на рабочем столе и нашла скан статьи из газеты 1982 года под названием «ПОЛИЦИЯ ИЩЕТ ПРОПАВШУЮ ЖЕНЩИНУ». Сразу под заголовком поместили фотографию молодой девушки, репринт

с реального снимка. Красивая, полная жизни девушка улыбалась в камеру; на голове начес, волосы спереди приподняты и зафиксированы лаком, а сзади лежат свободно, в общем, типичная мода 80-х. Чистая кожа, глаза сверкают — даже на черно-белом фото. Подпись гласила: «В последний раз двадцатилетнюю Вивиан Дилейни видели в ночь с 29 на 30 ноября. Просьба тем, кто располагает сведениями о ее местонахождении, обратиться в полицию». Вот он. Тот самый вопрос, на который мне так хотелось найти ответ.

Сколько себя помню, я всегда была синим чулком: жила, уткнувшись носом в очередную книгу. Только в один прекрасный день я переросла «Черного скакуна» и увлеклась мрачной литературой — той, что повествовала о всяких страшилках, вроде исчезновений и убийств, в особенности реальных. Пока остальные читали книги Роулинг, я открывала для себя Стивена Кинга. Ровесники готовили исторические доклады на тему Гражданской войны, а я узнавала подробности дела Лиззи Борден. Доклад, который я потом сделала, — там подробно описывалось, под каким углом и в каком именно месте лезвие топора вошло в тела ее отца и мачехи, — настолько обеспокоил мою учительницу, что та позвонила маме. «С Карли все в порядке?» Мама только отмахнулась — уж она-то знала, какая у нее мрачная дочка. «Все в порядке. Ей просто нравится читать про убийства».

Но было кое-что, о чем мама умолчала, — одно обстоятельство, о котором она вообще не любила говорить: мой интерес развился в силу естественных причин. У нас в семье было одно нераскрытое дело, и, сколько себя помню, оно не давало мне покоя.

Я снова перевела взгляд на выдержку из газеты. Вив Дилейни — та девушка на фотографии — была сестрой моей матери. В 1982 году во время ночного